

ЭХО ТИШИНЫ

ВИКТОР БЕЗМАТЕРНЫЙ

Виктор Безматерный

Эхо тишины

«Автор»

2026

Безматерний В.

Эхо тишины / В. Безматерний — «Автор», 2026

Тишина бывает обманчивой. Особенно в деревне Глухово. Оксана Королёва, сбежав от тирании родственников, приезжает в старый родовой особняк, чтобы начать новую жизнь. Но дом на вершине холма хранит страшные тайны. В его подвале портрет человека с мертвыми глазами, в библиотеке — вырезки о пропавших людях, а в лесу за Кривым оврагом пробуждается древнее зло, веками ждавшее своего часа. Когда в деревне начинают пропадать люди, а местный лесник погибает жуткой нечеловеческой смертью из города приезжает следователь Виктор Савельев. Он — прагматик и скептик привыкший верить только фактам. Но факты здесь ведут в безумие. Вместе им предстоит узнать правду о прошлом семьи Королёвых: отец Оксаны не погиб в аварии а спустился в топь чтобы стать ключом к древней печати, сдерживающей первородный хаос. Это история о долге, любви и ужасе, который старше самого человечества. О том, как легко разрушить баланс и какова цена его восстановления. Вы готовы услышать эхо тишины? Оно уже идет за вами.

© Безматерний В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Виктор Безматерний	5
Глава 1.	6
Глава 2.	11
Глава 3.	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Виктор Безматерний

Эхо тишины

Виктор Безматерний

Глава 1.

Пять сорок пять утра. Это время, когда город еще спит тяжелым, наркотическим сном, укутавшись в сырую предрассветную дымку. Я знаю это время лучше, чем собственное отражение в зеркале. Для меня оно пахнет остывающим асфальтом, озоном после ночного дождя и едва уловимой горечью дешевого растворимого кофе. Мой день начинается за два часа до того, как первый вагон метро со скрежетом выползет из депо. В этом есть своя, холодная эстетика порядка.

Я просыпаюсь без будильника. Мое тело — идеально настроенный механизм швейцарских часов, который просто не имеет права давать сбой. Открываю глаза в ту же секунду, как сознание выныривает из мутной пелены сна. Никаких потягиваний, никаких «еще пять минуточек». Кровать заправляется немедленно, пока матрас еще хранит тепло моего тела. Простыни натянуты так туго, что на них можно, кажется, играть в бильярд. Подушка взбита строго определенным образом, образуя идеальный прямоугольник. Хаос ночи должен быть побежден в первые же минуты бодрствования.

Ванная комната встречает меня стерильным блеском кафеля. Никакого беспорядка на полочках: зубная щетка стоит в стакане ручкой к окну, тюбик пасты выдавлен ровно снизу, а колпачок лежит тут же, перевернутый. Я смотрю на свое лицо в зеркало. Бледное, с высокими скулами, которые тетя Зина всегда называла «костлявыми», и огромными серыми глазами, которые дядя Петя однажды сравнил с блюдцами. Макияж — это не искусство, это дисциплина. Тонкий слой тонального крема, чтобы скрыть природную синеву под глазами (наследие бессонных ночей за учебниками), легкая линия подводки, чтобы придать взгляду фокус, и бесцветный бальзам для губ. Волосы собраны в низкий, безупречно гладкий пучок. Ни один волосок не смеет выбиться из строя. Я — солдат невидимого фронта корпоративной этики.

Кухня. Здесь властвует минимализм. Стакан воды комнатной температуры. Один тост из цельнозернового хлеба с тонким слоем масла. И кофе. Черный, горький, обжигающий. Без сахара. Сладость — это слабость, которую я не могу себе позволить. Пока кофемашина шипит, выплевывая последние капли эспрессо, я стою у окна. Моя квартира находится на пятнадцатом этаже стандартной панельной башни на окраине города. Вид отсюда открывается удручающий: бесконечные ряды таких же коробок, переплетение серых дорог и редкие, тусклые огни фар ранних пташек или запоздалых гуляк. Но мне нравится эта картина. Она статична. Она предсказуема. В ней нет сюрпризов.

Ровно в шесть ноль-ноль я закрываю дверь своей квартиры на три замка. Ключи звенят в руке тихо, почти мелодично. Спуск по лестнице пешком — это часть утреннего ритуала, моя личная десятиминутка тишины перед тем, как окунуться в гудящий океан мегаполиса. Лифт — это слишком хаотично. Там могут ехать незнакомые люди с их чужими запахами, звуками телефонов и случайными разговорами. Я предпочитаю одиночество бетонных пролетов.

Метро проглатывает меня ровно в шесть двадцать. Вагон полупустой, пахнет сыростью и старой резиной. Я занимаю место в углу, подальше от дверей. Сумка стоит у ног идеально параллельно линии сиденья. Телефон не достаю. Социальные сети, новости, мемы — все это информационный шум, мусор, засоряющий оперативную память мозга. Вместо этого я прокручиваю в голове расписание дня. Совещание у Марии в десять тридцать. Нужно распечатать

отчет по проекту «Горизонт» и положить его в красную папку. Красная папка — для срочных документов. Синяя — для текущих. Архивные — в зеленых. Эта цветовая дифференциация — мой личный вклад в поддержание мировой гармонии. Если документы лежат не в той папке, вселенная дает микроскопический сбой.

Офис встречает меня кондиционированным воздухом и приглушенным гулом системных блоков. Наш бизнес-центр — монстр из стекла и бетона в самом центре финансового квартала. Сорок второй этаж. Отсюда виден весь город, расчерченный улицами, словно микросхема на ладони великана. Я прихожу первая. Или одна из первых. Охранник Михаил Степанович, пожилой мужчина с вечно слезящимися глазами, кивает мне из-за стойки ресепшен. Он единственный здесь, кто относится ко мне с теплотой, похожей на отеческую. Наверное, потому что он тоже ценит порядок и ненавидит перемены.

— Доброе утро, Оксана, — говорит он хрипло. — Опять раньше всех?

— Доброе утро, Михаил Степанович. Работа сама себя не сделает, — отвечаю я стандартной фразой, снимая плащ.

Мой стол — это алтарь эффективности. Монитор повернут под углом ровно двадцать градусов, чтобы избежать бликов от панорамного окна. Клавиатура сдвинута на два сантиметра влево от центра коврика. На столе нет ничего лишнего. Стопка бумаг слева, лоток для входящих справа, степлер и дырокол выровнены по краю стола. Рядом стоит фотография в простой черной рамке. Двое улыбающихся людей. Мужчина с добрыми глазами и женщина, чье лицо я пытаюсь вспомнить каждый раз, когда смотрю на снимок. Они погибли, когда мне был год. Тетя и дядя говорят, что они были хорошими людьми. У меня нет оснований им не верить, но иногда мне кажется, что эти двое на фото — чужие люди. Просто актеры, которых поставили сюда, чтобы заполнить пустоту.

Первым делом я включаю компьютер. Пока загружается система, я совершаю обход своего маленького королевства. Протираю пыль с монитора специальной салфеткой. Проверяю уровень тонера в принтере. Ровно в восемь начинают подтягиваться остальные сотрудники. Отдел маркетинга врывается, как цыганский табор, — смех, громкие голоса, запахи уличной еды и приторных духов. Их столы завалены кружками, фантиками и какими-то макетами. Для меня это визуальный террор. Как они вообще могут работать в таком бардаке? Как их мозг не закипает от переизбытка хаоса?

Моя начальница, Мария Викторовна, появляется позже всех. Ровно в девять ноль пять. Ее появление невозможно пропустить, хотя она никогда не повышает голос. Она приносит с собой другой воздух. Запах дорогих, холодных духов, аромат свежесваренного кофе из модной кофейни внизу и едва ощутимую ауру абсолютной власти. Она высокая, стройная, с волосами цвета воронова крыла, которые всегда уложены в сложную, но кажущуюся небрежной прическу. Ей около сорока пяти, но никто бы не дал ей этих лет. Ее кожа идеальна, а взгляд карих глаз способен заморозить кипяток.

Она проходит через оупен-спасе, ни на кого не глядя, но замечая всё. Замечает помятый воротничок у менеджера по продажам, замечает пятно от кетчупа на рубашке стажера, замечает, что я уже полчаса как на месте и готова к работе. Она идет прямо к моему столу. Звук ее каблучков по плитке — это метроном, отбивающий ритм нашего офиса.

— Доброе утро, Оксана, — ее голос звучит как шелест шелка. Тихий, властный, лишенный эмоций.

— Доброе утро, Мария Викторовна. Ваш кофе. Американо, без сахара, как обычно. Печенье с шоколадной крошкой. Встреча с юристами перенесена на четырнадцать ноль-ноль.

Это наш ежедневный ритуал. Я не жду похвалы. Похвала — это переменная величина, а стабильность — константа. Я просто выполняю свою функцию. Она берет стаканчик с кофе, делает маленький глоток. На долю секунды ее идеальное лицо смягчается. Это высшая форма одобрения, доступная мне.

— Что у нас с проектом «Горизонт»? Финансовый директор требует цифры вчера.

— Отчет готов. Прогнозы, графики, анализ рисков. Все в красной папке. Я положила вам на стол.

Ее губы трогает тень улыбки. Не человеческой, а скорее механической, как если бы сложный робот успешно прошел очередной тест.

— Хорошо. Через час принесешь мне его вместе с расписанием встреч на завтра. И проверь почту Андрея. Кажется, там было письмо от партнеров из Германии, которое он ждет.

Андрей. Ее муж. При упоминании этого имени мои пальцы чуть сильнее сжимают край столешницы. Андрей Сергеевич. Партнер в бизнесе, совладелец компании. Высокий блондин с внешностью голливудского актера и повадками мартовского кота. Он редко бывает в офисе, предпочитая решать дела из ресторанов или своего загородного клуба. Но когда он появляется... Воздух становится густым и липким. Его взгляд всегда задерживается на мне чуть дольше, чем положено. Его шутки всегда имеют двойной смысл. Он — живой хаос, стихийное бедствие в идеально выглаженном костюме от Brioni. Он — единственное, что нарушает мою картину мира.

Мария уходит в свой кабинет — стеклянный куб с потрясающим видом на реку. Дверь закрывается беззвучно. Я остаюсь одна посреди шумного океана. Час до совещания. Время действовать.

Я открываю почтовый ящик Андрея Сергеевича. Сотни писем. Большинство — спам или рабочие переписки. Мне нужно найти одно конкретное. Я использую поиск. *«Deutschland», «Partner», «Vertrag»*. Немецкий язык — мое маленькое тайное оружие. Тетя Зина считала изучение языков блажью, но я настояла. Порядок должен быть универсальным.

Ага. Вот оно. Письмо от герра Шульца. Тема: «Bestätigung der Zahlung» (Подтверждение платежа). Я скачиваю вложение, быстро просматриваю его. Да, это то, что ему нужно. Я пересылаю письмо ему на личную почту с пометкой «Срочно! От герра Шульца». Сделано. Еще одна галочка в моем мысленном чек-листе.

Теперь отчет для Марии. Я беру красную папку. Внутри — стопка листов А4, напечатанных шрифтом Times New Roman, 12 кегль. Поля выставлены по стандарту. Графики построены в Excel и вставлены с идеальным разрешением. Каждая цифра проверена трижды. Я перелистываю страницы, проводя пальцем по краю. Идеально ровный срез. Я чувствую удовлетворение. Это физическое ощущение правильности. Когда вещь сделана хорошо, ты чувствуешь это всем телом.

До десяти тридцати остается сорок минут. Я решаю использовать их для подготовки к совещанию. Я достаю блокнот в твердой обложке. Левая страница — повестка дня. Правая — мои заметки. Я записываю тезисы, которые должна озвучить Мария. Я проигрываю сценарий совещания у себя в голове. Вопрос от коммерческого директора? Ответ: «Мы ожидаем рост на 7% при сохранении текущей конъюнктуры рынка». Скептическое замечание юриста? Ответ: «Все риски застрахованы согласно пункту 5.2 договора».

Мир вокруг меня живет своей жизнью. За окном плывут облака, отражаясь в стеклах соседних небоскребов. По улицам ползут разноцветные муравьи-автомобили. А здесь, в моем коконе, царит абсолютный покой, основанный на контроле. Я контролирую свое время, свое пространство, свои эмоции. Эмоции — это роскошь. Я давно научилась упаковывать их в плотный, звуконепроницаемый контейнер где-то глубоко в груди. Там темно и тихо. Иногда оттуда доносятся странные звуки — отголосок детского плача или чей-то далекий крик, но я умею игнорировать этот шум. Контроль — вот единственная гарантия безопасности.

Без двух минут десять тридцать. Я встаю. Поправляю юбку-карандаш. Провожу руками по бокам, убеждаясь, что все складки разглажены. Беру красную папку двумя руками. Глубокий вдох. Выдох. Сердце бьется ровно, в такт шагам.

Я подхожу к двери кабинета Марии. Стучу костяшками пальцев дважды. Короткая пауза. — Войдите, — доносится изнутри.

Я поворачиваю ручку и толкаю тяжелую стеклянную дверь. Кабинет залит светом. Мария сидит за своим столом, изучая какие-то бумаги в тонкой папке. Она поднимает голову. Наши взгляды встречаются. В моих глазах — готовность. В ее — оценка.

— Я принесла отчет по «Горизонту» и расписание на завтра, — произношу я четко, делая несколько шагов вперед и кладя папку на край ее стола.

— Садись, Оксана, — говорит она, указывая взглядом на стул напротив. — Расскажи мне краткую сводку. Цифры я посмотрю сама.

Я сажусь. Спина прямая, колени вместе. Руки сложены на коленях. Я начинаю говорить. Мой голос ровный, спокойный, лишенный интонационных всплесков. Я выдаю информацию порционно, как запрограммированный ассистент. Проект идет по графику. Бюджет соблюдается. Незначительное отставание по третьему этапу будет наверстано к концу недели. Риск форс-мажора оценивается как низкий.

Она слушает, постукивая дорогой ручкой Montblanc по поверхности стола. Этот звук — единственный аккомпанемент моему докладу. Она не перебивает. Она впитывает информацию. Закончив, я замолкаю. Жду.

— Ты молодец, Оксана, — наконец говорит она. Это редкость. Очень большая редкость. — Твоя организованность... впечатляет. Иногда я смотрю на твой стол и думаю, что именно такой порядок должен быть и в головах у некоторых моих топ-менеджеров.

Комплимент. Теплая волна поднимается откуда-то из глубин контейнера с эмоциями, но я давя ее железной волей. Нельзя расслабляться. Комплимент сегодня может стать выговором завтра, если допустить ошибку.

— Спасибо, Мария Викторовна. Я стараюсь.

— Завтра в девять у меня завтрак с партнерами. Подготовь все материалы по слиянию компаний. И забронируй столик в «Белом саду» на имя Королевой.

— Будет сделано.

Совещание окончено. Я забираю пустую папку. Встаю.

— Оксана, — окликает она меня, когда я уже берусь за ручку двери. — Тот файл из Германии... Андрей сказал спасибо. Сказал, что ты очень вовремя его отвлекла.

Я замираю. Щеки начинает покалывать. Это непорядок. Нарушение терморегуляции. Реакция на стресс. Я заставляю себя медленно обернуться.

— Рада была помочь, — мой голос даже не дрогнул. Идеальная маска.

Я выхожу из кабинета и аккуратно прикрываю за собой дверь. Прислоняюсь к стене на секунду, чтобы восстановить дыхание. Мир снова обретает четкость. Шум офиса больше не раздражает, а служит привычным фоном. Я возвращаюсь к своему столу.

День только начался. Впереди еще семь часов работы, сотни мелких задач, десятки звонков и писем. Но я справлюсь. Потому что у меня есть система. У меня есть правила. И самое главное правило гласит: ****порядок побеждает хаос****. Всегда. Я — воплощение этого порядка. И пока я держу всё под контролем, со мной ничего плохого случиться не может. Я в этом уверена. Я должна быть в этом уверена.

Глава 2.

Я часто думаю о том, что Мария Викторовна Королёва — это не человек, а сложная математическая функция. График её личности представляет собой две абсолютно параллельные прямые, которые никогда не пересекаются и существуют в разных системах координат. Одна прямая отвечает за «Мария — руководитель», другая — за «Мария — женщина». И я, как её личный помощник, имею уникальную привилегию наблюдать обе эти ипостаси с минимально возможным расстояния, но при этом я навсегда обречена оставаться по ту сторону невидимой границы, разделяющей их.

Для всего остального офиса она — «железная леди». Это прозвище родилось само собой, оно висит в воздухе опен-спейса, словно запах озона после грозы. В этой своей роли Мария безупречна и пугающа. Её голос становится инструментом из хирургической стали: холодный, точный, не терпящий возражений. Когда она проходит мимо рядов столов маркетологов или программистов, шум стихает сам собой. Люди инстинктивно выпрямляют спины, лихорадочно кликают мышками, создавая видимость бурной деятельности. Она не повышает тона, чтобы сделать выговор. Ей достаточно остановиться у чьего-то стола, сложить руки на груди и молча посмотреть на открытый в браузере сайт с горящими турами вместо квартального отчета. Этого взгляда хватает, чтобы сотрудник побледнел и удалил вкладку быстрее, чем падает гильотина. Её решения окончательны, как вердикт верховного суда. Если Мария сказала «нет» бюджету на новый проект, этот проект хоронят заживо, даже если он гениален. Потому что спорить с ней — всё равно что пытаться уговорить цунами повернуть вспять.

Её кабинет — это бункер. Стекланные стены создают иллюзию прозрачности, но изнутри это неприступная крепость. Там нет ничего личного, кроме той самой чёрной рамки с фотографией на моем столе. Никаких милых сувениров из поездок, никаких мягких игрушек или фотографий детей (которых, насколько я знаю, у неё нет). Только строгая мебель темного дерева, огромный монитор во всю стену с графиками падения и роста акций, и идеальный порядок, который может соперничать с моим собственным. В этой реальности она носит костюмы. Всегда. Брючные, юбочные — неважно. Силуэты четкие, цвета монохромные. Черный, серый, темно-синий. Никаких рюшей, никаких легкомысленных блузок. Волосы всегда убраны назад, открывая высокие скулы и холодный блеск карих глаз. В этой системе координат она — механизм для принятия верных бизнес-решений. Эмоции здесь считаются багом, сбоем программы, который необходимо немедленно устранить.

Но существует и другой мир. Мир, доступ в который есть лишь у единиц, и то фрагментарно. Я вижу его тень. Иногда, очень редко, когда дверь её кабинета плотно закрыта, а мы остаемся одни, броня даёт трещину. Это происходит в моменты абсолютной тишины. Например, когда рабочий день закончен, офис пуст, и только гудение серверов нарушает покой. Или ранним утром, до прихода уборщиц.

В такие минуты она позволяет себе снять туфли на шпильке и поджать ноги под себя в огромном кожаном кресле. Она смотрит не в монитор, а в окно, на просыпающийся город. И тогда маска спадает. Лицо теряет свою хищную, скульптурную резкость. Оно просто устало. В уголках глаз собираются морщинки, которых не видно при ярком свете офисных ламп. Она может тяжело вздохнуть, массируя переносицу, и этот звук кажется мне оглушительно громким в звенящей тишине.

Именно в эти моменты проявляется та самая доброта, о которой никто в офисе не подозревает. Однажды, месяц назад, я пришла раньше обычного из-за жуткой мигрени. Свет казался мне раскаленными иглами, впивающимися в мозг. Я сидела за своим столом, спрятав лицо в ладонях, пытаюсь переждать приступ тошноты. Я думала, что одна. Но вдруг почувствовала знакомый аромат её духов — холодная мята и что-то древесное. Она стояла рядом совершенно бесшумно.

— Оксана? Что с тобой? Ты белая как полотно, — её голос был другим. Не командным, а тихим, почти материнским.

Я испугалась, что сейчас последует выговор за непрезентабельный вид. Но вместо этого она обошла мой стол, открыла ящик, где я храню свои вещи, и достала оттуда белую таблетку и бутылку воды из мини-бара в её кабинете.

— Выпей. Это ибупрофен. У меня тоже бывают такие дни, когда давление скачет так, что хочется выть. Запей. Полностью.

Я послушалась. Вода была ледяной, и это помогло прийти в себя. Она не ушла. Присела на край моего стола, чего никогда не делала раньше.

— Почему ты не сказала? Зачем мучиться?

— Я не хотела вас беспокоить, Мария Викторовна. Вы заняты...

Она посмотрела на меня долгим, изучающим взглядом. Так смотрят на сломанную вещь, оценивая, можно ли её починить.

— Беспокоить... Глупости. Мы работаем вместе уже три года. Я должна знать, если моя правая рука вышла из строя. Иди домой. Отработаешь завтра в счет отпуска.

Это было неслыханно. Нарушение всех протоколов. Но в тот момент я любила её. Любила эту внезапную, хрупкую человечность. Она видела во мне не функцию, не идеально настроенный инструмент, а живого человека, которому больно.

Именно эта двойственность вызывает во мне восхищение, граничащее с благоговением. Как ей удастся удерживать этот баланс? Как можно быть таким безупречным тираном для сотен людей и одновременно такой понимающей женщиной для одного-двух избранных? Для меня она стала эталоном самоконтроля. Я учусь у неё. Учусь отделять личное от рабочего, эмоции от фактов. Я пытаюсь построить такую же стену внутри себя. Моя собственная жизнь — это выжженная пустыня воспоминаний о родителях, которых я не помню, и годах жизни с тетей и дядей, чья любовь выражалась в сухарях к чаю и вечном недовольстве моей внешностью («Ксанка, опять волосы растрепались!», «Ну-ка спину выпрями!»). Работа — это мой храм. А Мария — его верховная жрица.

Иногда я ловлю себя на мысли, что хочу заслужить право увидеть её вторую сущность целиком. Не мимолетными фрагментами, а стать кем-то вроде доверенного лица. Я старательно запоминаю её привычки. Знаю, что она терпеть не может запах дешевого кофе из автомата, поэтому каждое утро заказываю для неё американо в кофейне на первом этаже, добавляя туда щепотку корицы — однажды я услышала, как она обсуждала это с Андреем Сергеевичем. Я знаю, что она любит зеленый виноград, а не красный, и что по вторникам и четвергам у неё болит плечо из-за старой спортивной травмы, полученной еще в юности, поэтому именно в эти дни я стараюсь заранее подготовить все документы, чтобы ей не приходилось тянуться к верхним полкам шкафа.

Моя преданность абсолютна. Я — часовой на страже её покоя. Я фильтрую звонки, отсекая ненужных людей. Я читаю её почту, выделяя маркерами самое важное, чтобы сэкономить ей пять минут времени, которое она потом потратит на принятие очередного судьбоносного

решения. Я сортирую хаос внешнего мира и преподношу ей чистое, дистиллированное знание. И когда она, сидя в своем кресле вечером, поднимает на меня взгляд и говорит простое «Спасибо, Оксана», я чувствую, что существую не зря. Это высшая награда в моей иерархии ценностей.

Но есть одно обстоятельство, которое отравляет эту идеальную картину. Андрей Сергеевич. Её муж. Он — единственный, кто имеет право входить в её личный мир без стука, но при этом он является главным источником того самого хаоса, который она так ненавидит в бизнесе. Он — живое воплощение беспорядка. Его появление в офисе похоже на то, как если бы в стерильную операционную вбежала свора веселых, грязных щенков. Он громко смеется, хлопает сотрудников-мужчин по плечам, фамильярен с секретаршами и постоянно отпускает двусмысленные шутки. Он разрушает ту атмосферу суровой дисциплины, которую Мария выстраивает годами, одним щелчком пальцев.

И его внимание ко мне... Это сбой в матрице, который я не могу ни понять, ни исправить. Он смотрит на меня так, как голодный кот смотрит на кусок свежего мяса за стеклом витрины. Оценивающе, плотоядно, зная, что стекло прочное, но постоянно проверяя его на прочность. Его комплименты липкие, они оставляют на коже ощущение грязи. «Оксана, душечка, вам нужно носить более яркие цвета, а то вы похожи на серую мышку», — сказал он вчера, проходя мимо моего стола и якобы случайно задев мою руку своей. Я дернулась, как от удара током, и опустила глаза в монитор, делая вид, что не слышу. Я физически ощущала, как краска заливает шею и уши. Мне хотелось пойти в туалет и смыть с себя этот взгляд мочалкой до крови.

Самое страшное, что я боюсь не столько его, сколько реакции Марии. Что будет, если она узнает? Разрушит ли это её веру в порядок? Станет ли она винить меня? Ведь я — часть её системы. Если один винтик начинает ржаветь и портить механизм, его выбрасывают. Я не могу допустить, чтобы она разочаровалась во мне. Поэтому я молчу. Молчу и продолжаю работать. Я удалила то сообщение в мессенджере, где он прислал мне смайлик с поцелуем. Я проигнорировала его приглашение выпить кофе после работы, прикрывшись срочным отчетом. Я возвожу вокруг себя дополнительные барьеры из папок и графиков, надеясь, что они станут крепостной стеной.

Наблюдая за ними со стороны — за Марией и Андреем — я вижу странный, дисгармоничный союз. Она — лёд, он — пламя. Она — точность атомных часов, он — броуновское движение частиц. Как они вообще оказались вместе? На общих фото с корпоративных вечеринок она всегда выглядит отстраненной, её улыбка больше похожа на вежливый оскал, в то время как он обнимает её за талию слишком крепко, слишком собственнически. Возможно, когда-то давно, в другой системе координат, их линии пересеклись. Но сейчас они движутся параллельно, медленно отдаляясь друг от друга, удерживаемые вместе лишь тонкой нитью социального статуса и общего бизнеса.

Сегодня пятница. Вечером в офисе будет небольшой фуршет по случаю заключения крупной сделки. Я ненавижу эти мероприятия. Шум, суета, алкоголь, который развязывает языки и заставляет людей вести себя глупо. Я буду стоять в углу со стаканом минеральной воды, наблюдая, как рушатся последние бастионы корпоративной этики. Я увижу, как Андрей будет флиртовать с молоденькими девицами из PR-отдела, а Мария будет делать вид, что увлечена разговором с юристом, но её спина будет напряжена, а бокал с шампанским будет сжиматься в руке так сильно, что костяшки пальцев побелеют. Я снова увижу эту пропасть между её публичной маской и внутренней болью.

И я снова сделаю вывод: контроль — это единственное спасение. Контроль над собой, над ситуацией, над информацией. Я должна контролировать всё, что находится в радиусе моей досягаемости, потому что остальной мир — это хаос. Хаос, который поглотил моих родителей в автокатастрофе. Хаос, который живет в похотливом взгляде Андрея Сергеевича. Хаос, который иногда прорывается сквозь трещины в броне Марии.

Я возвращаюсь к своему столу и поправляю клавиатуру. Ровно два сантиметра от края. Идеально. Этот маленький островок порядка дает мне силы. Завтра я принесу ей отчет. Я буду говорить четко и по делу. Я буду смотреть ей в глаза ровно секунду, не дольше, чтобы не показаться навязчивой. Я выполню свою работу безупречно. И, возможно, в конце дня, когда все уйдут, она снимет пиджак, посмотрит в окно и скажет мне тихое «хорошо поработала сегодня». И ради этих коротких мгновений близости к чему-то настоящему, скрытому за титановой броней, я готова выдержать что угодно. Даже присутствие в этом храме хаоса, имя которому — её муж.

Глава 3.

Понедельник — это фундамент недели. Я верю в это свято. Если понедельник прошел идеально: документы разложены по цветам папок, кофе сварен до того, как Мария Викторовна переступит порог кабинета, а календарь синхронизирован с точностью до секунды, — то и вся последующая пятидневная конструкция будет стоять незыблемо. Вторник может быть хаотичным, среда — нервной, но монолит понедельника удержит всё от обрушения. Поэтому я всегда прихожу первой. Это мое право на контроль над началом дня.

Тот понедельник ничем не отличался от сотен других. Город за панорамным окном нашего сорок второго этажа был укутан в промозглую серую пелену мелкого дождя, который, казалось, висел в воздухе водяной пылью, а не падал вниз. Небоскребы напротив выглядели размытыми акварельными мазками. В офисе стояла та особенная, звенящая тишина раннего утра, которую нарушало лишь гудение системных блоков и едва слышное шипение климат-контроля. Запах свежесваренного кофе из моей термокружки смешивался с ароматом новой кожи от моего ежедневника — запах стабильности.

Я заканчивала финальную проверку расписания Марии Викторовны на неделю, когда лифт издал мелодичную трель, оповещающую о прибытии пассажира на наш этаж. Звук показался мне чужеродным, диссонирующим. Слишком рано для курьера, слишком поздно для уборщицы, которая уже закончила свои дела и ушла. Мое сердце пропустило удар, но я заставила себя остаться сидеть ровно, сохраняя безучастное выражение лица. Любой сбой в утреннем ритуале требует немедленного анализа.

Шаги. Они были другими. Не уверенный, мерный стук каблуков Марии, к которому я привыкла настолько, что могла определить её настроение по ритму шагов (сегодня — быстрые, отрывистые, значит, день предстоит тяжелый). И не шарканье мягких тапочек охраны. Эти шаги были... ленивыми. Плавными. Так ходит человек, который знает, что ему принадлежит весь мир, и он никуда не торопится, потому что время само придет к нему.

Он появился в поле зрения медленно, словно материализовавшись из полумрака коридора. Высокий, широкоплечий силуэт заполнил собой дверной проем приемной еще до того, как я подняла голову от монитора. Андрей Сергеевич Королёв. Муж. Партнер. Стихийное бедствие в костюме от Kiton стоимостью в мою годовую зарплату.

Первое, что я отметила про себя — его одежда была безупречной, но какой-то *неправильной* для этого места. Темно-синий кашемировый пуловер небрежно облегал мощный торс, ворот белоснежной рубашки был расстегнут на одну пуговицу больше, чем позволял деловой этикет. Светлые волосы, чуть длиннее, чем принято у топ-менеджеров, были уложены в тщательно продуманный беспорядок. Он выглядел так, будто только что сошел с обложки журнала «Forbes», посвященного не бизнесу, а досугу миллиардеров на яхте где-нибудь у берегов Сардинии.

— Доброе утро, принцесса, — его голос был низким, бархатистым, с легкой хрипотцой человека, который либо много курит, либо только что проснулся после бурной ночи. Он произнес это так, будто мы были знакомы сто лет и каждое утро начинали с этой фразы.

Я вздрогнула. Слово «принцесса» обожгло слух. Никто и никогда не называл меня так. Тетя Зина называла меня «Ксанкой», дядя Петя — просто «ты». Коллеги обращались официально или использовали обезличенное местоимение «она». Даже Мария Викторовна использовала только мое имя — Оксана, произнося его с холодной четкостью. А тут — «принцесса». Это было интимно. Непозволительно.

— Доброе утро, Андрей Сергеевич, — мой ответ прозвучал сухо, профессионально, почти механически. Я не встала. Продолжать сидеть за своим столом, окруженная привычными предметами — это единственный способ удержать реальность от распада. Мой взгляд скользнул по его фигуре и намертво приклеился к документам на столе.

Он усмехнулся. Я услышала это даже не глядя на него — мягкий, самодовольный смешок человека, привыкшего к тому, что его приветствия вызывают другую реакцию. Восторг, смущение, кокетство. Моя холодность была для него вызовом, который он, несомненно, принял.

Андрей не пошел в кабинет жены. Вместо этого он обогнул стойку ресепшен и остановился прямо перед моим рабочим местом. Воздух в радиусе двух метров вокруг него мгновенно изменился. Запах дорогого парфюма — кедр, мускус и что-то цитрусовое — смешался с легким, но отчетливым запахом алкоголя и табака. Инстинктивно я задержала дыхание.

Теперь он стоял так близко, что край его идеально выглаженных брюк касался моих коленей под столом. Я физически ощущала его присутствие. Это было вторжение в мое личное пространство, которое я считала священным и неприкосновенным. Моё тело отреагировало раньше разума: позвоночник одеревенел, пальцы впились в крышку стола, а пульс, до этого бившийся ровно и спокойно, пустился вскачь, отдаваясь болезненным гулом в висках.

— Что-то ты сегодня бука, — протянул он, опираясь рукой о спинку свободного кресла для посетителей. Его поза была расслабленной, вальяжной. Он наклонился вперед, сокращая дистанцию еще сильнее. Теперь я чувствовала тепло, исходящее от его тела. — Никак не проснешься? Может, тебе стоит сменить этот мышинный серый костюмчик на что-то более... живенькое?

Его взгляд. Вот что было самым невыносимым. Я чувствовала его кожей, хотя упорно продолжала смотреть в монитор, делая вид, что сверяю цифры в таблице. Этот взгляд не был взглядом начальника на подчиненную. Он был липким, тяжелым, он буквально ощупывал меня. Он начался с макушки, методично прошелся по собранным в пучок волосам, задержался на открытой шее, спустился ниже, оценивая строгий покрой жакета, и остановился где-то в районе колен. Это был не визуальный контакт, а физическое прикосновение. Грязное, собственническое облапывание.

Мне стало душно. Кондиционированный воздух офиса вдруг превратился в вязкую, горячую смолу. Мне захотелось немедленно встать, уйти в туалет и долго-долго тереть руки мылом, пытаюсь смыть с себя ощущение этого взгляда. Но я не могла пошевелиться. Парализующий страх сковал мышцы. Я боялась привлечь лишнее внимание резким движением, боялась показать свою слабость. Любая реакция с моей стороны была бы проигрышем.

— У Марии совещание через час, — выдавила я из себя, надеясь, что мой голос звучит твердо. — Она просила ее не беспокоить до десяти.

— Совещание? — он картинно закатил глаза и цокнул языком. Звук получился громким, раздражающим. — Брось, Оксана. Ты же умная девочка. Ты знаешь, кто на самом деле управляет этим балаганом. Мы оба знаем, что эти совещания — просто спектакль для инвесторов. Настоящие решения принимаются иначе.

Он сделал паузу, ожидая ответа. Играл со мной, как кот с пойманной мышью. Ему нравилось видеть мое напряжение, чувствовать мой страх. Я молчала, уставившись невидящим взглядом в таблицу Excel. Цифры расплывались перед глазами.

— Знаешь, — продолжил он тише, перейдя на доверительный шепот, от которого у меня мороз пробежал по коже, — я давно за тобой наблюдаю. Такая правильная, такая аккуратная... Как фарфоровая кукла в стеклянном шкафу. Идеально расставленные карандаши, идеальный почерк. Но ведь внутри у тебя должен быть огонь, правда? Иначе зачем так запираешь себя в клетке правил?

Это было уже слишком. Прямой намек, грязный подтекст. Он пытался взломать мою броню, найти трещину в моем фасаде идеального сотрудника. Он хотел увидеть мои эмоции, мою панику. Я не доставлю ему такого удовольствия.

Собрав всю волю в кулак, я медленно подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза. Мой взгляд был пустым, зеркальным. Я смотрела сквозь него, как смотрю на надоедливую муху на оконном стекле.

— Андрей Сергеевич, если вы закончили инспекцию моего рабочего места, я бы хотела вернуться к подготовке документов для вашей жены. У меня много дел.

На секунду в его глазах мелькнуло удивление. Он не ожидал отпора. Обычно девушки краснели, бледнели или глупо хихикали. Моя ледяная стена стала для него неожиданностью. Но удивление быстро сменилось хищным интересом. Уголок его губ дернулся вверх в опасной полуулыбке.

— Ого, — тихо сказал он, выпрямляясь во весь рост. — А в тихом омуте, оказывается, черти водятся. Мне нравится.

Он оттолкнулся от кресла и наконец отошел на шаг назад, давая мне возможность вздохнуть. Обошел стол кругом, рассматривая меня теперь уже с безопасного расстояния, как диковинный экспонат в музее.

— Передай Маше, что я заходил. Скажи, что буду ждать её дома. Сегодня вечером. И пусть не задерживается, у меня на неё планы, — он выделил слово «планы» таким тоном, что оно прозвучало пошло и угрожающе одновременно.

Затем он развернулся и направился к выходу своей плавной, кошачьей походкой. У самой двери он обернулся в последний раз.

— До встречи, принцесса. И подумай о том, что я сказал насчет огня. Иногда полезно выпустить его наружу.

Дверь закрылась. Щелчок электронного замка прозвучал в оглушительной тишине как выстрел, знаменующий окончание битвы. Я осталась одна. Руки дрожали так сильно, что я вынуждена была спрятать их под столешницу, вцепившись ими в край стула, чтобы унять эту предательскую вибрацию.

Меня трясло. Это был не просто дискомфорт. Это был первобытный ужас маленького существа, оказавшегося лицом к лицу с крупным хищником. Андрей Сергеевич не просто проявил ко мне интерес. Он объявил охоту. И самое страшное заключалось в том, что правила игры знал только он.

Я сидела неподвижно еще несколько минут, пытаюсь восстановить дыхание и успокоить бешено колотящееся сердце. Мир вокруг казался нереальным. Стерильная чистота моего стола, ровные стопки бумаг, идеальный порядок — все это внезапно показалось хрупкой декорацией, ширмой, за которой притаилась тьма. Взгляд Андрея оставил на мне след, невидимую грязь, которую невозможно было стереть влажной салфеткой.

Медленно, очень медленно я достала из верхнего ящика стола антисептический гель для рук. Выдавила на ладонь большую порцию прозрачной жидкости с резким запахом спирта. Я начала растирать им руки так интенсивно, что кожа загорелась огнем. Я терла ладони, тыльные стороны кистей, каждый палец по отдельности, пока боль не стала ощутимой. Только тогда дрожь немного утихла.

Подняв глаза, я случайно поймала свое отражение в темном экране выключенного монитора. На меня смотрело бледное лицо с огромными, потемневшими от пережитого стресса серыми глазами. Губы были плотно сжаты в тонкую бескровную линию. Волосы выбились из прически, несколько прядей упали на лоб, нарушая идеальный порядок.

Именно в этот момент я поняла, что моя крепость дала первую трещину. Андрей Сергеевич пришел не просто поздороваться. Он пришел заявить права на территорию. И он вернется. Это не было вопросом «если», это был вопрос «когда».

Я глубоко вдохнула, выдохнула и снова повернулась к компьютеру. Нужно работать. Нужно заполнить эту звенящую пустоту рутинной. Я открыла файл с расписанием Марии Викторовны и принялась перепроверять каждую встречу, каждую минуту. Механические действия успокаивали. Порядок должен быть восстановлен. Любой ценой. Потому что альтернатива порядку — это хаос, пахнущий дорогим одеколоном и несущий разрушение всему, что я построила для защиты своего крошечного мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.